

Выводы. 1. Несмотря на то, что питательная среда, предложенная Löwenstein'ом, представляют, повидимому, очень выгодные условия для выращивания тбк палочек, практика применения метода Löwenstein'a при решении вопроса туберкулезной бациллемии не позволяет считать этот метод вполне удовлетворительным, поскольку результаты, полученные при помощи этого метода в различных лабораториях, резко расходятся между собой.

2. Надо считать установленным, что туберкулезная бациллемия встречается чаще, чем это предполагалось.

3. Метод посева в ряде случаев должен дополнить заражение животного, так как последнее не всегда удается из-за авирулентности штаммов.

4. Нельзя считать, что метод Löwenstein'a имеет такое же значение для диагностики туберкулеза, как Вассермановская реакция для сифилиса.

5. В целом—работа Löwenstein'a требует дальнейшей проверки, так как получаемый им высокий процент гемокультур при посевах крови ревматиков, кожных и нервных больных все же еще другими авторами мало подтверждается; природа же выделенных Löwenstein'ом палочек не всегда ясна.

6. Проверка работ Löwenstein'a требует тщательного повторения его методики, что особенно ясно из работ Popper'a, где первые 400 посевов были безрезультатны и лишь после уточнения методики в следующих 250 посевах получались данные, подтверждающие Löwenstein'a.

Литература. 1) Abt. Schweiz. Med. Wschr. 1931 h. 45.—2) Löwenstein. Zbl. f. Bac. 1931. B. 120.—3) Kurt Meyer. Mediz. klinik. 1932. Nr. 4.—4) Reiter u. Löwenstein. Wien. Klin. Wschr. 1932. Nr. 10.—5) Haak u. Delbanco. Wien klin. Wschr. 1932. Nr. 47.—6) Löwenstein. Med. klin. 1932. Nr. 51.—7) Knor Maximilian. Arch. f. Hyg. 1932. 108.—8) Ederle u. Kriech. Dtsch. med. Wschr. 1932. Nr. 1.—9) Popper. Dtsch. med. Wschr. 1932. Nr. 2.—10) Löwenstein. Med. klin. 1931. Nr. 46.—11) Pollak. Med. klin. 1931. Nr. 31.—12) Берман, Беневолентский, Гольдштейн. Врач. раз. 1932 г. № 15—16.—13) Domingo, c. r. Soc. Biol. 168. 1931.—14) Lotze. Zbl. f. Bac. 1933. B. 127.—15) Hüttig. Z. tbc. 62. 1931.—16) Bessau. Med. klin. 1932. Nr. 4.—17) Cohn. Med. klin. 1932. Nr. 4.—18) Hager. Med. klin. 1932. Nr. 8.—19) Iontofsohn, z. Tbc. 61, 1931.—20) Kadisch. Med. klin. 1932. Nr. 4.—21) Koch. Dtsch. med. Wschr. 3, 1932.—22) Kren u. Löwenstein. Wien. klin. Wschr. 1931. Nr. 13—23) Lang, Med. klin. 1932. Nr. 9.—24) Levin. Med. klin. 1932. Nr. 9.—25) Monteufel. Med. klin. 1932. Nr. 4.—26) Rabinowitsch-Kempner. Med. klin. 1931. Nr. 46/47.—27) Saegler. Med. klin. 1932. Nr. 8.—28) Sanz. C. r. Soc. Biol. 107. 26. 1931.

Библиография и рецензии.

Проф. М. О. Фридланд. *Частная ортопедия*. Казань. Татиздат. 1932. Стр. 237.

Наш книжный рынок очень беден ортопедической литературой. На ряду с большим количеством периодических медицинских изданий—у нас в Союзе имеется только 1 журнал (на Украине), посвященный специально вопросам ортопедии. В еще большей степени ощущается у нас недостаток в книжных руководствах по ортопедии.—Тем отраднее видеть выпущенную недавно Татиздатом в Казани—„*Частную ортопедию*“ проф. М. О. Фридланда, которая является логическим продолжением его „Общей ортопедии“, изданной в 1928 г.

В „Частной ортопедии“ проф. Фридланд в сжатом виде представил современное состояние частных ортопедических вопросов болезней и повреждений статико-динамического аппарата человеческого тела. Эти вопросы, удачно разбитые по анатомическим признакам,—освещены с точки зрения различных специалистов усердно занимавшихся этими вопросами и оставившими глубокий след как в мировой литературе, так и в литературе нашего Союза. Во многих главах приведен материал и опыт Казанской ортопедической клиники и собственный богатый ортопедический опыт автора,—что является особенно ценным в книге.—В конце, каждой главы, каждого видового заболевания, приведенная русская и иностранная литература дает легкую возможность читателю, в случае его желания, углубить

изучение любого вопроса. Книга снабжена большим количеством оригинальных рисунков. Они могли бы быть достаточным украшением ее.—Однако книга, изданная в общем хорошо, страдает тем недостатком, который присущ большинству наших современных руководств, богато снабженных фото-и рентгенограммами, печатаемых на неподходящей для них бумаге. Этот недостаток книги проф. Фридланда не помешал однако признанию ее вполне подходящей в качестве основного руководства по ортопедии в Военно-медицинской Академии и других медицинских вузах. Прекрасным руководством она может служить также и для практического в широком смысле врача и для хирурга, интересующегося аппаратом движения и имеющего дело с его патологиями.

Приветствуя появление книги проф. Фридланда можно пожелать, чтобы во втором издании, нужда в котором несомненно скоро появится,—вышеописанный недостаток рисунков и бумаги и некоторые вкравшиеся недостатки — были устранены.

Прив.-доц. С. Р. Новотельнов. (Ленинград).

Павлов И. П. *Проба физиологического понимания симптомологии истерии*. Изд. Академии наук. Ленинград. 1932 г. 36 стр. Цена 50 коп.

Небольшая брошюра академика И. П. Павлова об истерии имеет огромный интерес и большое научное значение. Здесь мы впервые воочию убеждаемся, какова сила метода условных рефлексов, и чувствуем, что от этого метода можно в будущем ожидать еще многого. Главный интерес метода условных рефлексов заключается в том, что сначала этот метод применялся для изучения высшей нервной деятельности животных, потом он был перенесен учениками Павлова (Красногорский, Иванов-Смоленский, Ленц и др.) на человека, причем метод условных рефлексов, как об этом свидетельствует брошюра Павлова об истерии, оказался особенно действительным при изучении душевно-больного человека. В этом собственно нет ничего удивительного и этого можно было а priori ожидать. Душевно-больной человек очень часто по некоторым проявлениям нервно-психической своей жизни стоит ближе к животным, чем даже дети раннего возраста, а в таком случае понятным образом метод условных рефлексов скорее всего находит путь к пониманию некоторых сторон нервно-психической жизни душевно-больного человека.

Брошюра Павлова состоит из двух частей. В первой Павлов кратко излагает учение об условных рефлексах, вторая часть посвящена собственно истерии. В понимании Павлова истерия есть продукт слабой нервной системы, считая слабость гл. обр. относящейся к высшему отделу ЦНС и специально к большему полушарию, как реактивнейшей его части. Слабость, или задержанное, заторможенное состояние полушарий освобождает или положительно индугирует подкорку, т. е. усиливает общую ее деятельность. Следовательно, есть вполне достаточное физиологическое основание, чтобы у истеричных при остром и резком задерживании корки под влиянием непосильных для нее раздражений, а таких при ее слабости немало, наступали разные аффективные взрывы и судорожные припадки, то в виде более или менее определенных инстинктивных и рефлекторных деятельностей, то в совершенно хаотической форме, соответственно локализации и передвижению торможения в коре и подкорке, то в ближайшей, то в более отдаленной. Когда же торможение распространяется глубже вниз по головному мозгу, то мы уже имеем другое крайнее, но пассивное состояние истерического организма в виде глубокого гипноза и наконец полного сна, продолжающегося не только часы, но и дни и даже многих (летаргия). Так находит физиологическое свое объяснение истерические симптомы, как бурные активные, так и вялые, пассивные. Эмотивность, как постоянное, сильное особое состояние истеричных находит свое объяснение в том, что истеричный субъект живет в большей или меньшей степени не рассудочной, а эмоциональной жизнью, управляется не корковой деятельностью, а подкорковой. „Возникает тенденция под влиянием внешнего или внутреннего раздражения. Ей соответствует деятельность известного пункта или района большого полушария. Этот пункт под влиянием эмоции, вследствие иррадиирования из подкорки, чрезвычайно заряжается. Из этого достаточно при слабости коры, чтобы он вызвал сильную распространенную отрицательную индукцию, исключаящую контроль, влияние остальных частей полушария. А в них, в этих частях, представительство других тенденций, представительство окружающей среды, следы бывших раздражений, переживаний, накопленный опыт. К этому присоединяется и другой механизм. Сильное возбуждение от эмоций повышается возбудимость коры и это быстро ведет раздражение ее к пределу и за предел ее работоспособности. Следовательно с отрицательной индукцией суммируется запре-

дельное торможение. Такого рода механизмы играют роль при выявлении других особенностей истериков—внушение, самовнушение, фантастичность, оторванность от реальной жизни и т. д.

Для полноты и ясности физиологического понимания истерии Павловым не в отдельных ее симптомах, а как *болезни*, необходимо еще привести следующее его представление о высшей нервной деятельности во всей ее совокупности, хотя это чересчур растянет рецензию. „У высших животных, до человека включительно, первая инстанция для сложных соотношений организма с окружающей средой есть ближайшая к полушариям подкорка с ее сложнейшими безусловными рефлексам. Вызываются эти рефлексы относительно немногими безусловными, т. е. с рождения действующими, внешними агентами. Отсюда ограниченная ориентировка в окружающей среде и с тем слабое приспособление. Вторая инстанция—большие полушария, но без лобных долей. Тут возникает при помощи условной связи, ассоциации, новый принцип деятельности: сигнализация немногих безусловных внешних агентов бесчисленную массой других агентов, постоянно вместе с тем анализируемых и синтезируемых, дающих возможность очень большой ориентировки в той же среде и тем уже гораздо большего приспособления. Это составляет единственную сигнализационную систему в животном организме и первую в человеке. В человеке прибавляется, можно думать специально в его лобных долях, которых нет у животных в таком размере, другая система сигнализации, сигнализация первой системы—речью, ее; базисом или базальным компонентом—кинестезическими раздражениями речевых органов. Эта вторая система сигнализации и ее орган, как самое последнее приобретение в эволюционном процессе должны быть особенно хрупкими, поддающимися в первую голову разлитому торможению, раз оно возникает в больших полушариях при самых первых степенях гипнотического состояния. Тогда вместо обычно первенствующей в бодром состоянии работы второй сигнализационной системы выступает деятельность первой, сперва и более устойчивой в виде мечтательности и фантастичности, а дальше и более остро в виде сумеречного или собственно легкого сонного состояния (отвечающего просонному им состоянию засыпания), освобождается от регулирующего влияния второй системы. Отсюда хаотический характер этой деятельности, не считающейся больше или мало считающийся с действительностью и подчиняющейся главным образом эмоциональным влияниям подкорки. После всего приведенного является вполне понятным с физиологической точки зрения говорить о нарушении в истерии психического синтеза, или о раздвоении „я“. Вместо соединенной и взаимно уравновешенной деятельности трех указанных систем в истерии мы имеем постоянное разъединение этих систем с резким нарушением их естественной и закономерной подчиненности, когда в связи и в должной зависимости работы этих систем друг от друга лежат основа здоровой личности, цельность нашего „я“.

Мы старались в нашей рецензии говорить языком самого Павлова, и говорить больше, чем это принято в рецензии. Но без этого в данном случае нельзя было обойтись. Брошюра Павлова—новое совершенно явление в психиатрической литературе. Здесь гениальный русский физиолог дал психиатрам первый свой урок „психиатрической физиологии“, вернее патофизиологии, блестяще объяснив физиологические клинические явления душевной болезни. Павловский метод условных рефлексов показал себя, как весьма жизненный, проникающий в самую глубь явлений метод и обнаруживающий при этом онто-и филогенетическую связь нервно-психических явлений в их постоянном движении, взаимодействии и взаимопроникновении. Метод условных рефлексов Павлова мы должны наравне с биогенетическим методом, с которым между прочим он имеет родственные черты и отношения, включить в арсенал марксо-ленинской методологии, как один из самых действенных методов исследования в естествознании, метод, способствующий лучше, чем многие другие методы, утверждению марксо-ленинской методологии и мировоззрения в естествознании.

Ив. Галант. (Ленинград).

Pawlow I. P. *Vorlesungen über die Arbeit der Grosshirnhemisphären*. Leningrad, 1932.

Данная книга есть немецкий перевод всем известной книги академика И. П. Павлова „Лекции о работе больших полушарий“. Появление в свет немецкого перевода этой книги надо приветствовать, как давно назревшую необходимость, а следовательно считать весьма своевременным. Недаром говорит Павлов в своей